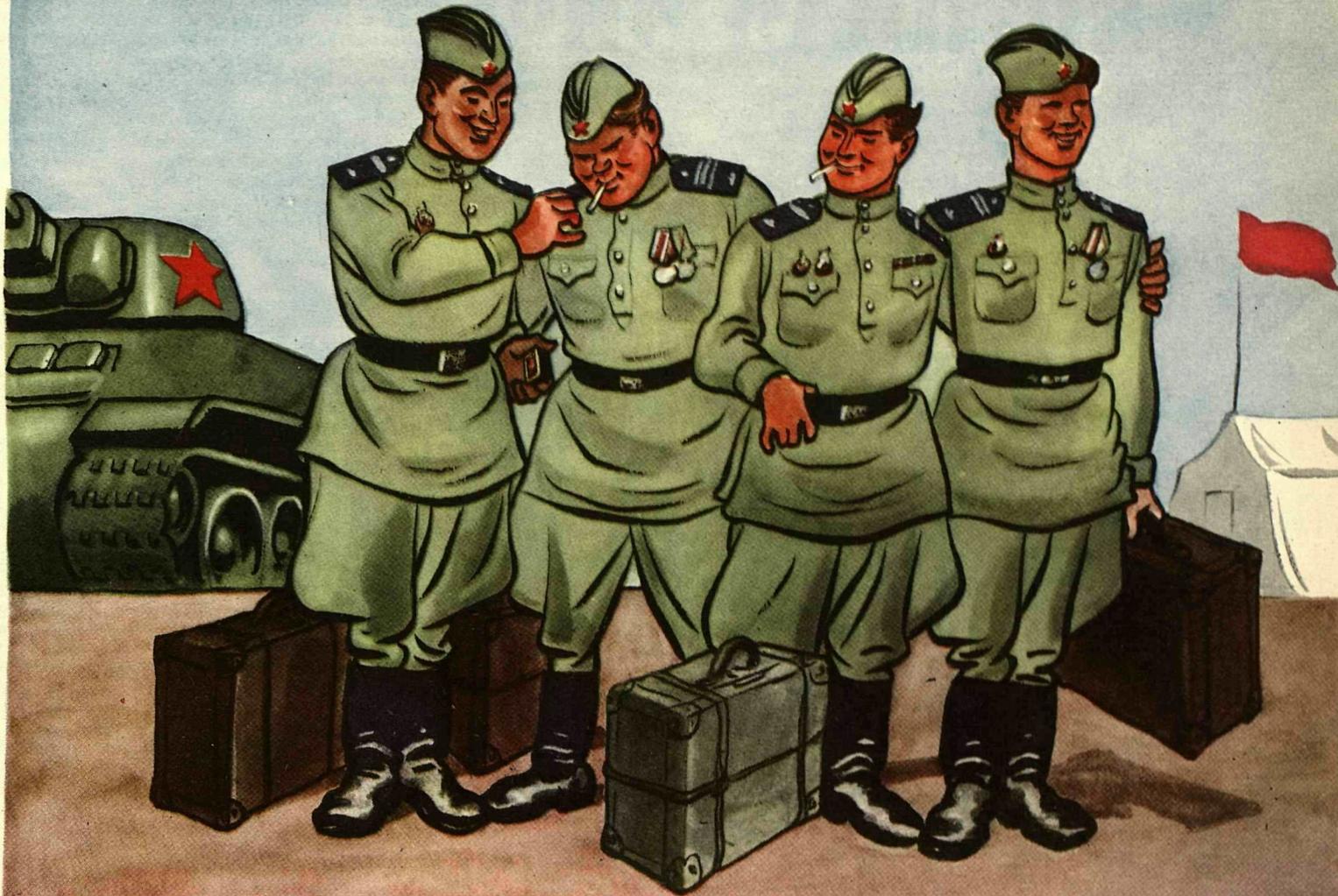

Рис. Бор. ЕФИМОВА.

В целях дальнейшего ослабления международной напряжённости и установления доверия между государствами Советское правительство приняло решение сократить к 15 декабря 1955 года численность вооружённых сил Советского Союза на 640 тысяч человек.

Цена номера 1 р. 20 к.

К Р О К О Д И Л

ЭКИПАЖ МАШИНЫ БОЕВОЙ

№ 26 (1424)

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

год издания 34-й

МОСКВА 20 СЕНТЯБРЯ

1955

Бор. Ефимов - 55.

КРУПНАЯ ДИЧЬ

Письмо председателю правления Якутского союза потребителей обществ «Холбос» товарищу Я. Ю. Келле-Пелле

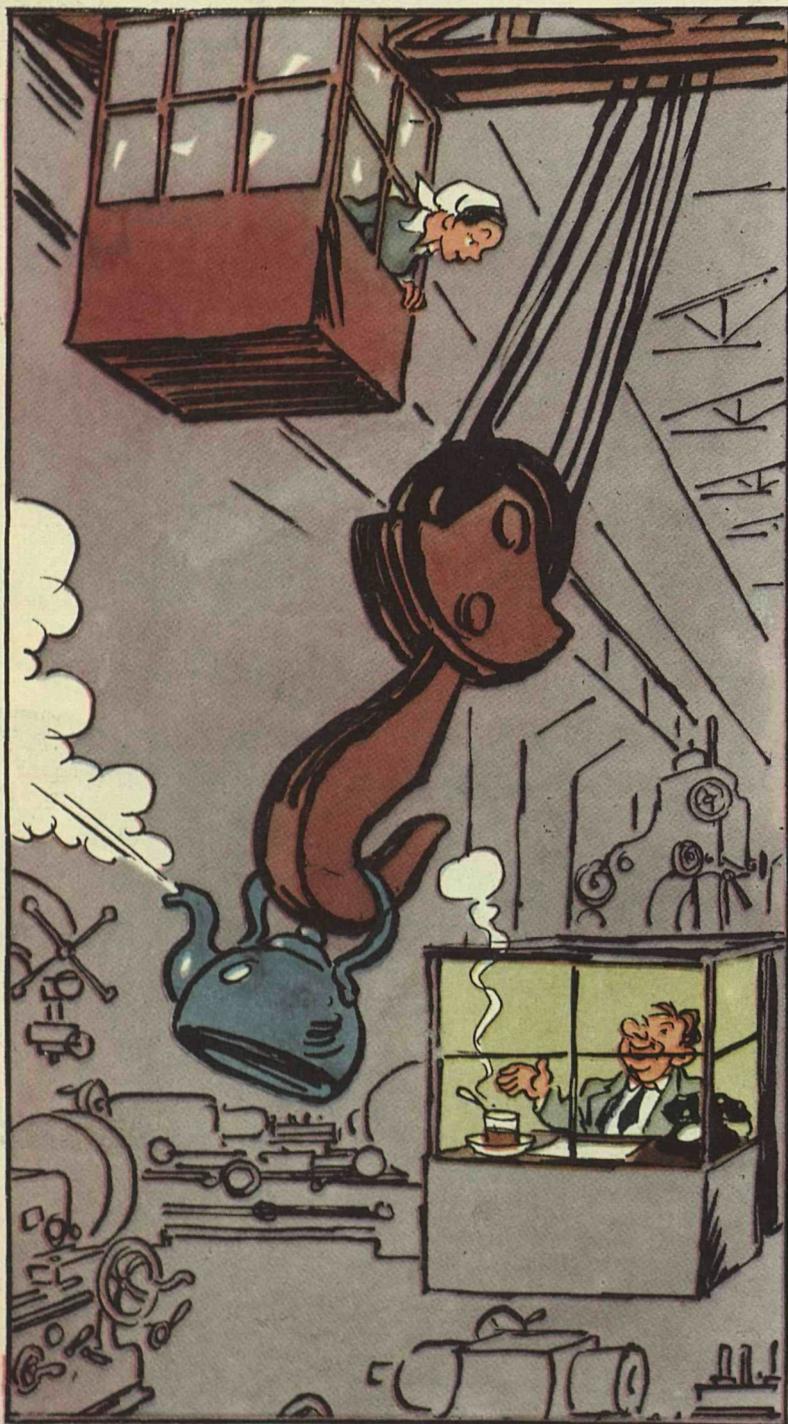
Уважаемый Яков Юльевич!

Крокодил подготавливает сборник охотничьих рассказов под названием «Крупная дичь». Не могли бы вы как старый ружейный охотник и любитель-рыболов прислать для него несколько художественных произведений? Что-нибудь любопытное из жизни боровой и водоплавающей дичи. Можно и про рыб. Ах, рыбы! Какие только чудесные рыбы не водятся в ваших озёрах и реках! Тут и чир, и муксун, и хариус. А карась? Великолепный карась! Опустить такого красавца в сметану — и голова начинает кружиться от гастрономических переживаний.

Что и говорить, не обижена Якутия рыбой! Полным-полно её в местных водоёмах. Не увидишь только карася в местных магазинах. Не заготовили его заготовители «Холбоса».

Почему так получается, дорогой Яков Юльевич? Расскажите нам по этому поводу какую-нибудь смешную рыбацкую байку. Возможно, рыба перестала клевать? Или же, клонув, наловчилась выплёвывать крючки? Навострилась выбирать из сетей? А быть может, она не клюёт только у ваших заготовителей? Так или иначе, повторю, на полках якутских магазинов красуется лишь привозная рыба: дальневосточная селёдка, рижская килька, байкальский омуль.

Рисунок А. ВАЖЕНОВА.

С ПРЕДЕЛЬНОЙ НАГРУЗКОЙ.

Но, разумеется, самые интересные истории вы расскажете нам о дичи. О той самой дичи, которой в Якутии даже больше, чем рыбы. Глухарей, тетеревов-косачей и рябчиков здесь столько, что они чуть ли не садятся на ружейные дула. А утки! А гуси! А куропатки! Словом, рай земной для охотника. И вот хотя тайга кишмя кишит дичью, вы не найдёте её в торговых точках якутских городов.

Дорогой Яков Юльевич! В своих охотничьих рассказах объясните, пожалуйста, почему косач стал проблемой? Что происходит с п. ицей? Подпускает ли она охотника на ружейный выстрел? Не обводит ли она его, горемычного, вокруг крыла? Не смеётся ли она над ним с высоты птичьего полёта?

Во всяком случае, как нам удалось установить, бумажные залпы не приносят вреда косачам и прочим пернатым. В нынешнем году правление «Холбоса» непрерывно обстреливало директивами свой филиал в Ленском районе. Что же из этого получилось? Заготовительная контора райпотребсоюза добыла всего 30 штук боровой дичи вместо 1300 штук. А ведь Ленский район — богатейшее охотничье угодье Якутии. Богат он не только дичью, но и охотниками. Да и местная заготконтора не бедна людьми. На их содержание тратится 240 тысяч в год. И вот результат: на 17 заготовителей 30 глухарей. Около двух глухарей на заготовителя. Прямо скажем, куропаткам на смех. Не лучше и в других районах.

Итак, телеграфная дуэль между Якутском и районами из-за косача продолжается. Из заготовительных контор сообщают, что косач и глухарь по неведомым причинам добываются ими с огромным трудом. В ответ из Якутска несутся канцелярские увещевания и угрозы. От бумажной пальбы содрогается тайга. Одни только глухари спокойно внимают перепалке, зная по опыту, что она не опасна.

Мы хотели попросить вас также рассказать о том, как «Холбос» заготавливает грибы, бруснику, морошку, кедровые орехи и прочее добро, которым буквально завалена тайга и которого не найдёшь в магазинах Якутска и других городов республики.

Если вы заняты, поручите написать об этом одному из 20 заготовителей, сидящих в «Холбосе», или одному из 33 руководителей районных контор, или одному из 66 бухгалтеров, 33 плановиков, многочисленных бездельников — агентов тех же заготовительных контор. Так как большинство из них не занимается заготовками, пусть попробуют свои силы на ниве художественной литературы.

Вот примерно и всё. В ожидании ваших охотничьих и прочих рассказов

Крокодил.

Владимир ИВАНОВИЧ

Савка

— Жить хочу я на Алтае,
Край целинный сердцу мил.
На Алтае урожая,—
Савка всюду говорил.

А когда собрались парни
Ехать в степи за Урал,
Савка спрятался в овчарне...
Савка голос потерял.

Отдавала мать родная
Савке много средств и сил,
А сейчас она больная,
И сынок её забыл.

— Как же так, старухе-маме
Ты помочь не пожелал!
Савка хлопает глазами...
Савка голос потерял.

Полюбив одну девицу,
Савка пел ей каждый день,
А когда пришлось жениться,
Помрачнел и стал как пень.

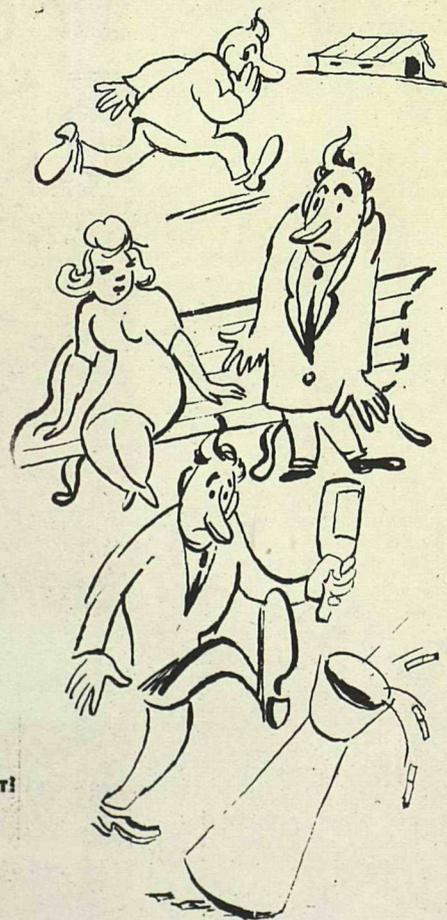
Почему жених не светел!
Где любовный жар-накал!
Савка милой не ответил...
Савка голос потерял.

А на днях ворвался бурно
Савка в наш колхозный клуб;
Трижды он «футболил» урну,
Дёрнул сторожа за чуб.

А потом уж, мягче ваты,
Он вошёл в судебный зал...
И, вопросами прижатый,
Савка голос потерял.

Что же с парнем дальше будет!
Как и чем он будет жить!
Нет,
Должны и могут люди
Савке голос вернуть!

ГОЛОС ПОТЕРЯЛ

г. Одесса.

В ряде районов Ульяновской области сократилось поголовье общественного скота.

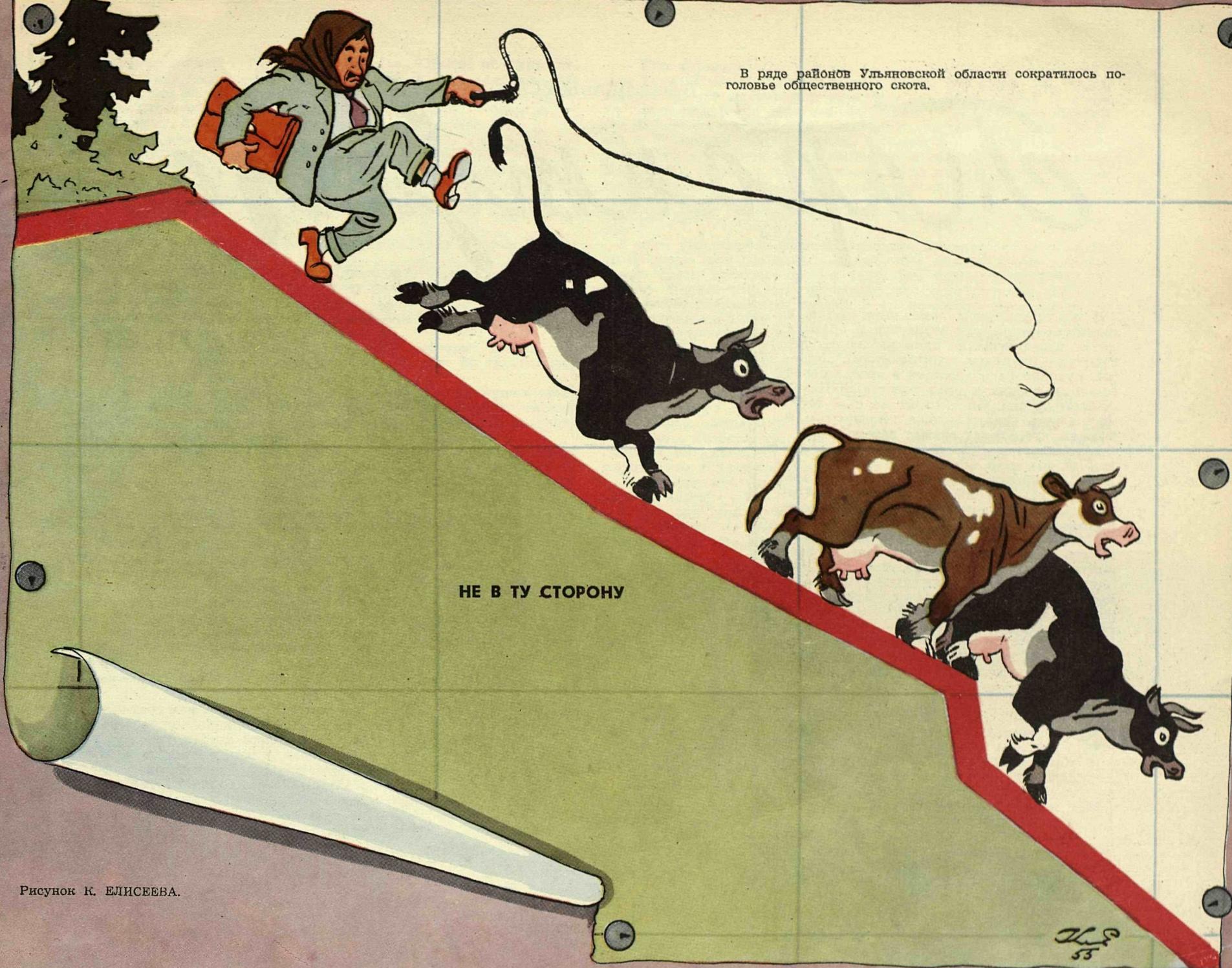

Рисунок К. ЕЛИСЕЕВА.

НА ПОБЫВКУ К ДОМОЧАДЦАМ

Вряд ли кому придёт на ум оспаривать, что любовь к семье является похвальным человеческим качеством. В этом отношении начальнику планового отдела треста «Сахалинспецнефтьстрой» Михаилу Ивановичу Некрасову можно только позавидовать. Трогательные чувства Михаила Ивановича к чадам и домочадцам своим способны привести в умиление самую чёрствую душу. Ещё бы! Ведь именно из горячей любви к семье он, выезжая на Сахалин, оставил её в Москве и обрёл себя, так сказать, на положении бобыля-одиночки.

Как человек чадолюбивый, Некрасов, конечно, нелегко переносит разлуку. Так, кажется, на крыльях и улетел бы туда! И часто бывает, что после таких приступов лирической грусти он мчит к семье не в мечтах, не на каких-то аллегорических, а на самых настоящих крыльях самолёта.

Однажды Михаил Иванович зашёл в кабинет управляющего трестом Петрова. Окинув начальника планового отдела проницательным взглядом, управляющий коротко спросил:

— Снова к домочадцам потянуло?

Михаил Иванович доверчиво кивнул.

— Беда мне с тобой! Какую теперь причину придумать для командировки в Москву, ума не приложу. Тем более сейчас строго с этим: без разрешения или вызова министерства командировать нельзя. А Москва, сам понимаешь, может и без тебя обойтись.

— Зато я без Москвы не могу обходиться, — возразил Некрасов.

— То-то и оно... Ну, ничего, дело поправимое, — утешил управляющий трестом. — Не раз из таких затруднений выходили. Он задумался на минуту и вдруг просял:

— Есть у нас несколько заявлений работников из Краснодара с просьбой принять их к нам на работу.

— Н-не понимаю, — искренне признался Некрасов. — Какое это имеет отношение?

— Экий ты, братец, недогадливый! Ну, разумеется, принять их только по анкетам мы не можем. А что из этого следует? А следует то, что надо послать туда своего человека для личного ознакомления. А от Краснодара до Москвы рукой подать. Можно проводить работу с кадрами, как говорится, без отрыва от московской квартиры. Ну, а товарищ Вымениц нас всегда поддержит.

В тот же день на имя заместителя начальника объединения «Дальнефть» Выменица была направлена докладная, в которой Петров испрашивал разрешения послать Некрасова в Краснодар «для личного ознакомления», и т. д., и т. п.

Докладная была столь явной «липой», что, как ни покладист был в этих делах тов. Вымениц, но и он вынужден был дать ей должную оценку:

— Сочинять сочиняйте, да поостроумнее. С каких это пор работа с кадрами стала делом работника планового отдела?

Но это не обескуражило ни Петрова, ни Некрасова.

— Не вывезли кадры, вывезет техника, — уверенно сказал управляющий трестом. — На твоё счастье, на кислородном заводе вышел из строя газификатор. Отремонтировать его можно только в Свердловске или Ленинграде. Вот и пошлём тебя разместить заказы.

Два месяца Михаил Иванович «размещал» заказы на свердловских и ленинградских заводах, наслаждаясь семейным уютом московской квартиры. Приятное времяпровождение начальника планового отдела обошлось тресту более чем в 20 тысяч рублей.

Не впервые начальник планового отдела совершает самолётные вояжи к семье за государственный счёт. За последние три года работы в тресте «Сахалинспецнефтьстрой» Михаил Иванович Некрасов пробыл в Москве 232 дня, в связи с чем касса треста опустела почти на 80 тысяч рублей. Для Михаила Ивановича это стало обычным делом. За широкой спиной доброжелательного начальства он чувствует себя, как за каменной стеной.

Н. ПЕТРОЧЕНКОВ

(Из газеты «Советский Сахалин»)

Старантцэла

В полуподвальном помещении клуба, в парикмахерской, где стригутся и бреются почти исключительно одни работники искусства — писатели, композиторы, актёры, — удобно расположился в кресле перед большим зеркалом всем известный Павел Александрович. Он смотрит на своё отражение чуть лукаво и даже с нежностью, и похоже, что вот-вот скажет сам себе:

«Оказывается, старый морж, ты вовсе ещё не так стар, если...»

Над клиентом священнодействует маленький седой парикмахер с таким значительным выражением, что, будь он художником или поэтом, про него непременно говорили бы: «Искусство наложило свою печать на это вдохновенное лицо». Клиент попросту зовёт его Гаврилычем, а парикмахер клиента ежеминутно — Палсаньчем. Палсаньч немножко капризничает, а Гаврилыч нянчится с ним заботливо и самоотверженно, как с малым ребёнком. Он искренне уважает Палсаньча за талант и гордится, что знаменитый клиент стрижётся у него вот уже двадцать лет.

В этот час в парикмахерской, кроме них, нет никого.

Раздвигается портьера, просовывается девичья головка с чёлкой до переносицы и скрывается.

— Мамышева караулят. А мы их перехитрили: я к нему на дом ездил. — Гаврилыч подмигивает на портьеру. — Жуткие девки! Я бы на месте родителей применял к ним физическое воздействие.

— Уж очень ты строг, — снисходительно улыбается Палсаньч из-под белой пены, скрывающей складки щёк и тройной подбородок. — Молодость! А потом, откуда ты знаешь, может быть, это самое... вот именно, любовь?

— Любовь? — зловеще переспрашивает Гаврилыч и берётся за бритву. — Нет, прошу прощения, я бы это по-другому назвал! Между прочим, я на этой, извиняюсь, любви мог бы капитал заработать.

— Каким образом? — любопытствует Палсаньч.

— Очень просто. Умоляют: «Голубчик, Илья Гаврилыч, будете стричь Мамышеву, за напёрсточек волос с его головы — сто рублей...» Сто рублей! Её мамаша, может быть, себе в самом необходимом отказывает, для дочери бережёт, а дочке чёрт-те на что сотни не жал! Впрочем, тут свой расчёт. Девушка мечтает носить амулет с волосами артиста в медальоне на груди и привораживать. Да если б я, Палсаньч, этим делом не брезговал, я бы, ей-богу, подобрал какого-нибудь муругого кобелька под цвет шевелюры народного артиста и стриг бы его круглый год. Совесте не позволяет!

— Гаврилыч, но почему, друг мой, ты не допускаешь, что это самое... истинное и чистое чувство? — снова спрашивает Палсаньч и, подымая глаза чуть вверх, смотрит на отражение Гаврилыча и ждёт, чтоб оно заговорило.

Но Гаврилыч трудится над правым ухом знаменитого человека, осторожно выстригая из него пучок седой щетины. Покончив с этим делом, он говорит значительно:

— Могу вам, Палсаньч, рассказать про одну такую. Она у нас в вестибюле пять часов кряду просидела, Мамышева подкарауливала. Мы с швейцаром даже удивились: до чего вынослива! Арбузом её кормили и провели с ней собеседование на моральную тему. Арбуза она поела, наши слова в одно ухо впустила, в другое выпустила, зато своё мировоззрение развернула полностью. Она ещё в ту пору была начинающая.

— Начинаящая?.. В каком смысле? — насторожённо спрашивает Палсаньч.

— В смысле охоты за знаменитыми, много зарабатывающими мужьями, — поясняет Гаврилыч. — В процессе беседы выяснилось: живёт скудно, хотя одета и причёсана модно. Мать на неё весь свой заработок тратит. А девушка работать не желает. Говорит: «Вставать чуть свет, переть на работу, вылупя глаза...» — Гаврилыч подмигивает в зеркало. — С нами она в выражениях

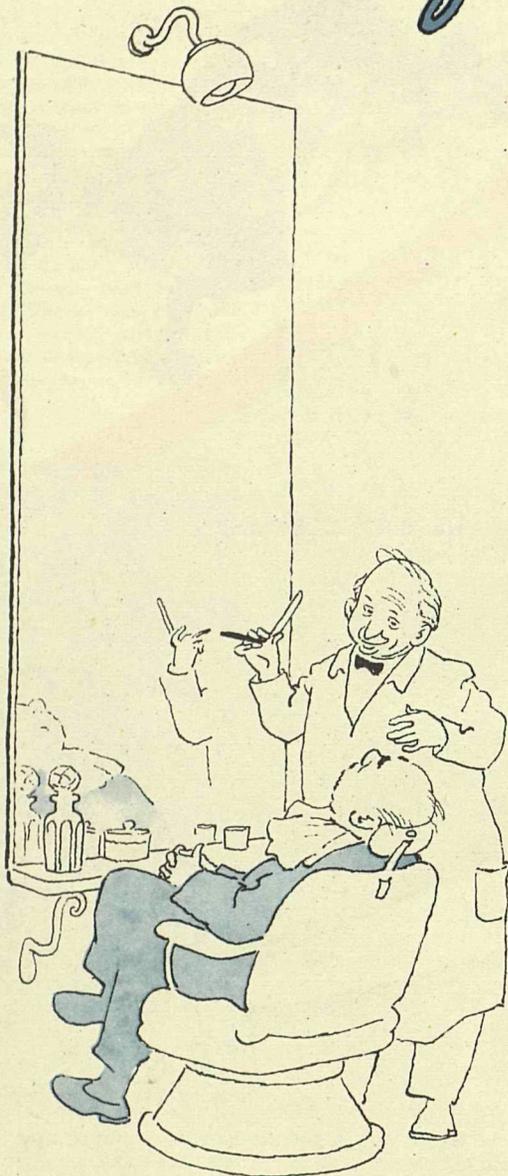

Рисунок Г. ВАЛЬКА.

не стеснялась... «Это, — говорит, — удел сереньких людей». «А ты, стало быть, яренькая?». «Пока, — говорит, — нет, но со временем, жива не буду, заблещу! Чтобы, куда ни пришла, куда ни приехала, все говорили: «Это жена такого-то!..» Палсаньч, не беспокоит?.. «Заблещу, — говорит. — Поставила себе цель в жизни, — выйти замуж либо за Мамышеву, либо...» Тут наш швейцар ей говорит: «Извиняюсь, девушка, Мамышев, между прочим, женатый». А она ему преспокойно парирует: «Из-за чужой жены я в девках сидеть не намерена. Женатого развести не такой уж непосильный труд, кто умеет. Надо действовать путём сравнения: жена у него пожилая, а я молодая; у неё кожа поблекшая, а у меня свежая; она его пилит, а я ему с утра до утра буду фимиам курить».

Гаврилыч укоризненно смотрит в зеркало, в глаза своему клиенту:

— А ведь сознайтесь, Палсаньч, что многие работники искусства на фимиам падки.

— Падки, — тихо и грустно соглашается Палсаньч.

— То-то же. В общем, я вам скажу: перед нами развернулось такое мировоззрение, что у бродячей кошки, прошу прощения, ей-богу, чище. У той, по крайней мере, корысти нет, одно чувство, хотя бы и кошачье. А тут сплошная корысть. Она заранее и гонорары подсчитает и вычтет, что на алименты брошенной семье причтётся.

Палсаньч меняется в лице. От прежней игривости и лукавства не остаётся и следа. Он недоверчиво смотрит на своё отражение.

— Вам волосики короче не делать? — как ни в чём не бывало спрашивает Гаврилыч. — Отпускать решили, за модой следить начали? Что ж, это хорошо. А супруге нравится?

Палсаньч бурчит под нос что-то неразборчивое.

— Так вот, учиться эта особа тоже не желала. Агрономом стать — в колхоз пошла, это беда! Врачом — большими брезгает. Учительницей — детишек не переносит.

Мечтала в театральное училище попасть. Не по призванию, а чтоб на сцене, на виду крутиться, — провалилась. И тут же экзаминаторов, народных артистов, оклеветала! дескать, они её, невиненькую, склоняли, а она не склонилась, вот ей и отказали.

Палсаньч ёрзает в кресле и что-то мучительно припоминает, отчего его моржовое лицо собирается в складки.

— Ну и вот, — продолжает Гаврилыч. — Втирается такая особа в семью к знаменитому, дружит с женой, детишек в школу провозжает, с пуделем гуляет...

Палсаньч вздрагивает.

— Неужели волос-пискун? — соболезнует Гаврилыч, отдёргивая ножницы. — Нет, это у вас нервы, Палсаньч, нервишки пошаливают... Да, а потом начнёт мужа заарканивать. А он рассолодеет от фимиама, от ручек, от ножек, которые перед ним в нужный момент мельтешат, и готов.

— Что значит это самое... готов? — недоверчиво спрашивает Палсаньч.

— Взнуздан, осёдлан, шоры на глазах, а вместо шпор — бес в ребро, и пошёл человек взягивать на старости лет, — безжалостно объясняет Гаврилыч. — Та, о которой я говорю, вручила Мамышеву альбомчик со стихами своего изготовления. В вестибюле вручила, а он в парикмахерской альбом бросил. Стрелянный воробей, его на мякине не проведёшь, он на классических образцах воспитан: «Куда, куда...» и «Средь шумного бала...». А тут нате-ка... — Гаврилыч достаёт из ящика, где хранятся кисточки и мыло, самодельный альбомчик с розовым бантом. — Нате, посмотрите... стихи с дальним прицелом. В них так и сказано: я вся твоя, а коли откажешься, умру.

— И она, та самая, умерла? — почему-то с надеждой в голосе спрашивает Палсаньч.

— Идеализируете? — улыбается Гаврилыч. — Такие не умирают. С Мамышевым номер не прошёл, за писателем гоняться стала. Ей всё равно, что он пишет, ей интересно, сколько он за написанное получит. Сорвалось с писателем, кинулась за композитором. А теперь, говорят, какого-то маститого деда заарканивают.

Палсаныч раскрывает наугад альбом и читает:

«...Сердце горячее я отдаю тебе, мой дорогой.

Знаю, на сердце наступишь ты мне холодной ногой...»

Он глядит на свои ноги — сорок пятый размер башмаков, — и ему становится грустно и жаль себя.

— Гаврилыч, это самое... А как её зовут, если не секрет, эту самую?

— Фамилии не знаю, врать не стану, — солидно говорит Гаврилыч. — Но вообще — Тата.

Палсаныч встаёт с кресла, суёт Гаврилычу бумажку в карман, тот кланяется с достоинством. Когда клиент уходит, Гаврилыч идёт в вестибюль к швейцару.

— Как думаешь, открыл я ему глаза? Или надо было откровенно, в лоб?

— В лоб ни в коем случае, — авторитетно говорит швейцар. — Вмешиваться в личную жизнь не этично. Другие не вмешиваются, а нам что, больше всех нужно?

А в это время Палсаныч уже стоял в тёмной, пахнущей кошками чужой прихожей, переминался с ноги на ногу и, тиская в потных ладонях узкую женскую руку, взволнованно говорил, то и дело повторяя «это самое»:

— Тamarочка, что же это? Те же самые стихи, которые меня тогда растрогали, и почерк похож. Но будто какая-то Тата? — Он ждёт. Он так хочет, чтоб она поскорее что-нибудь сказала. Всё равно что, лишь бы почувствовать себя спокойным и счастливым.

После небольшой паузы раздаётся спокойный ответ:

— Мерзавка!

— Кто мерзавка?

— Татка. Слушай, милый, я тебе открою всю душу. Год назад, когда я только молитвенно смотрела на тебя издали и даже не смела подойти к тебе, дивному, мощному, как олимпийский бог (Палсаныч в темноте расправляет плечи и подтягивает брюш-ко), я посвятила тебе эти стихи. А Татка — по странной случайности она моя соседка по квартире — спёрла их и преподнесла Мамышеву, которого, кстати сказать, я не перевариваю. Да разве может кто-нибудь, кроме тебя, существовать для твоей любящей, верной Тамары?

— Это самое... не могу без тебя! — трагически хрипит Палсаныч.

У него уже созрело решение: сегодня же вечером он объявит своей жене, что разводится с нею. Он знает — будет тяжело, многословно, многослёзно, но через это надо переступить. Он скажет честно, что ему на склоне лет повстречалась любовь, юная, самоотверженная, чистая, и он не может, не в силах от неё отказаться! Будь что будет...

Он целует узкие душистые руки. Это невыразимо приятно. И вдруг ему вспоминается неприятное.

— Тamarочка, а... Тата — это какое же имя? Татьяна или... это самое, тоже Тамара, как у тебя?

— Ничего подобного. Та... Тара... Тарантулла. Через два «л», с ударением на «у».

— Скажи, пожалуйста, на «у»? И, значит, ловила мужа, всё равно хоть старого, хоть уroda, лишь бы знаменитого и с деньгами? И ни любви, ни искреннего чувства?.. Бывают же такие... тарантуллы, с ударением на «у»!

— Бывают, мой самый умный, самый красивый, самый любимый на свете!

— Ух, вот оно!.. — упоённо восклицает Палсаныч. Он хочет что-то сказать, но ему от волнения не хватает слов, и он шепчет только: — Вот оно... это самое!

Рисунок С. КУЗЬМИНА.

— Итак, где будем строить новый скотный двор? Там, где в прошлом году намечали, или там, где в позапрошлом году?..

Юрий БЛАГОВ

ВЕЛЬМОЖА НА ПЛЯЖЕ

Приехал вельможа на берег морской
С презрением к курортному гвалту,
Считая, что он осчастливил собой
Не менее Чехова Ялту.
Потребовал в здравнице дом и гараж,
Особый состав рациона,
Потом пожелал, чтобы личный пейзаж
Ему открывался с балкона.
Он рвал и метал, непослушным грозя,
По каждому поводу споря,
И злился, что здесь обеспечить нельзя
Себе персонального моря...

Вельможа всегда игнорировал пляж,
Но, как-то придя в непогоду,
Почувствовал в сердце особый кураж
И ухнул с достоинством в воду.
Ему доставляло блаженство почти,
Что людное место свободно,

Тогда как в обычное время придти
Сюда норовил кто угодно.
Вельможе казалось, что море сполна
Ему предоставлено лично.
Однако была штормовая волна
Ко всяким чинам безразлична.
Она наловчилась его без конца
Мотать в равнодушии глубоко,
Потом молотила о камни пловца
То носом, то задом, то боком.
Совсем захватила вельможу в полон,
Не стихнув от гневного жеста.
Он даже начальственным окриком: «Вон!»
Её не поставил на место.
Тут поднял бедняга неистовый вой,
Поняв, что приходит к финалу.
Но встали курортники цепью живой
Навстречу свирепому валу.
Вельможа пускал пузыри, еле жив,
Барахтаясь в море строптивом,
Впервые за долгие годы решив
Контакт обрести с коллективом...

С тех пор стал он скромным, доступным,
простым,
На всех абсолютно похожим,
О чём сообщаем с почтеньем другим,
Ещё не тонувшим вельможам.

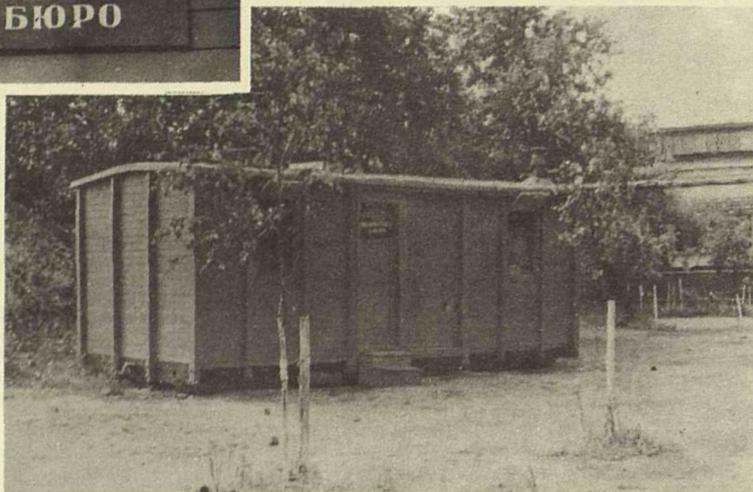
И. ЗОЛОТАРЕВСКИЙ

РОЖДЕНИЕ ХАЛТУРЫ

Поэт родил стихотворенье,
Вполне приличное на вид,
Но, так сказать,
без вдохновенья,
Без слёз, без жизни, без любви.
Когда в редакции журнала
В ответ последовало «нет»,
В отчаянье не впал бывалый
И предприимчивый поэт.
Он твёрдо знал, что мир не тесен,
Что тут же рядом, за углом,
В другом издательстве
для песен
Скупают стихотворный лом.
И он отнёс своё творенье
Туда, где можно сбыть товар
Без божества, без вдохновенья,
Но... за солидный гонорар.
Таков финал.

Не мудрено,
Что в наших музыкальных сферах
К числу произведений серых
Прибавилось ещё одно.

г. Киев.

Без колёс

Сегодня, товарищи, мы совершим нашу первую экскурсию по достопримечательным местам с познавательной целью.

Мы с вами во дворе Московского вагоноремонтного завода имени Войтовича. Перед нами два вагона — пассажирский и товарный. Не удивляйтесь, что вагоны эти без колёс и даже вросли в землю. По вывеске на одном из них можно легко догадаться, что предназначены они не для длительных путешествий по стальным путям, а служат пристанищем для проектно-конструкторского бюро Главного управления локомотиворемонтными и вагоноремонтными заводами Министерства путей сообщения.

Согласитесь, не каждый день приходится встречаться со столь авторитетными учреждениями, помещающимися в столь непрезентабельных зданиях, как эти.

Попрошу вас, товарищи экскурсанты, проследовать за мной. Осторожней на приступочке: она малость покосилась. Итак, мы с вами находимся в апартаментах проектно-конструкторского бюро, призванного обслуживать ни много ни мало, а свыше пятидесяти заводов страны. Руководители главка поселили конструкторов в железнодорожные вагоны, видимо, для того, чтобы работа шла в обстановке, максимально приближённой к эксплуатационным условиям.

Теперь перейдём в помещение, где разместились библиотека и архив проектно-конструкторского бюро. Обращает на себя внимание, что люди здесь работают в полном молчании. Распоряжения отдаются только в письменном виде. Даже по поводу погоды или нового фильма, который вчера показывали по телевизору, люди объясняются при помощи блокнота и карандаша. Товарищи экскурсанты могут подумать, что это безнадёжные бюрократы. Нет, бюрократизм тут ни при чём. Просто библиотека расположена в кузнечном цехе. Так что речевое общение тут бесполезно: всё равно никто ничего не услышит.

Посетим ещё одно помещение. Это комната для светокопировки и проявления чертежей. Товарищи экскурсанты, решающиеся на этот шаг, должны будут предварительно измерить давление крови и пройти ряд испытаний на выносливость.

Дело в том, что светокопировальное помещение граничит с лесосушильными камерами. Прежде, чем войти сюда, придётся снять пиджаки, галстуки и головные уборы. Правда, сейчас здесь только 40 градусов тепла по Цельсию, но бывает ещё жарче.

И, наконец, последняя достопримечательность! Это — основное помещение проектно-конструкторского бюро, комната, любезно предоставленная инженерам деревообделочным цехом. В одной комнате тут удалось разместить 72 инженеров с их чертёжными станками да ещё несколько бухгалтеров со счётами и арифмометрами.

На этом, собственно, можно было бы закончить нашу экскурсию, но для полноты впечатления остановимся на миг у небольшой горы мебели. Не подумайте, что перед вами картина бесхозяйственности. Напротив, эта горка канцелярских столов не разбирается из соображений экономии. Проектно-конструкторское бюро так часто переводилось с места на место, что теперь оно держит своё имущество в состоянии постоянной готовности. Новый приказ о переезде не застанет его врасплох.

Быть может, товарищей экскурсантов интересует отношение ко всему этому Министерства путей сообщения? Отношение самое внимательное. Об этом свидетельствуют многочисленные приказы, предписывающие немедленно выделить конструкторам подходящее помещение. 25 мая 1954 года об этом распорядился заместитель министра тов. Гундобин, 29 января 1955 года — начальник главка тов. Парамонов, 5 апреля 1955 года — сам министр тов. Бещев, 20 июня 1955 года — ещё один заместитель министра, тов. Гаврилов...

А вагоны и ныне там... И поскольку они без колёс, трудно ожидать от них какого-нибудь движения. В них, как говорится, далеко не уедешь.

Мы не удивимся, если у товарищей, совершивших с нами эту экскурсию, возникнут некоторые недоуменные вопросы. Но адресовать их нужно не нам, а Министерству путей сообщения.

Пока же разрешите поблагодарить товарищей, терпеливо следовавших за нами.

До следующей экскурсии.

Экскурсовод
КРОКОДИЛ

БОРЗЫЕ ПОРОСЯТА

Небезызвестный судья Ляпкин-Тяпкин из гоголевского «Ревизора» признавался: «Я говорю всем открыто, что беру взятки, но чем взятки? борзыми щенками. Это совсем иное дело». То есть это вроде бы уж и не взятка.

«Юридическая» справка мудрого судьи кое-кем считается действительной и в настоящее время. Так, прибыв недавно на Каменно-мостский лесоучасток за получением леса, представители колхоза имени Сталина, Дондуковского сельсовета, услышали откровенное признание:

— Лес для строительства животноводческих помещений? Пожалуйста! Только услуга за услугу! Мы всё для вас сделаем, а вы отпустите нам... поросят.

«Если можно брать щенками, то чем поросята хуже щенков?» —

рассудили руководители Каменно-мостского лесоучастка. И пришлось колхозу поступиться шестью поросятами, точнее — ста двадцатью девятью пороссячьими килограммами!

Пример каменно-мостских поросятозаготовителей оказался заразительным: через неделю в колхоз пожаловали новые послы за пороссячьими душами. На этот раз со станции Хаджох.

Железнодорожники прибыли с официальным документом, называемым «отношением» и подписанным самим начальником станции тов. Варакиным. «Отношение» это запрашивало уже пятнадцать поросят. В конце его значилось: «...Просим не отказать нашей просьбе. Работники станции окажут всемерную помощь в отгрузке лесоматериала, находящегося на станции Хаджох Сев. Кав. ж. д. в Ваш адрес».

Если так дело и дальше пойдёт, то не понадобятся колхозу животноводческие помещения: некого в них будет помещать!

Рисунок Ю. ГАНФА.

— Дай-ка эту папку, я посмотрю, сколько у нас корма заготовлено.

Культурники-джигиты

Нурдаулет Жаманов, заведующий красной юртой, стреножил резвого своего иноходца и не спеша направился к коневодам.

На джайляу, как всегда, было хорошо. Горное солнце ласково глядело с высокого и чистого неба. На лёгком, как шёлк, ветерке покачивались анемоны, эдельвейсы и прочие чудеса альпийской ботаники.

Коневоды встретили Нурдаулета с великим радушием: новый гость в юрту — новая радость.

— Имею срочное задание по части культуры, — сообщил Жаманов.

— Какое задание? — полюбопытствовали колхозники.

— Проведу с вами политико-воспитательную работу. Подниму ваш культурный уровень на новую ступень, — откровенно сказал гость, принимая из рук хозяйки большую пиалу с ароматным кумысом.

Нурдаулет Жаманов сделал несколько здоровенных глотков и вернул хозяйке пустую посудину. Кумыс, приготовленный из молока кобылиц, как всегда, произвёл сильное впечатление на заведующего красной юртой. Но он и виду не подавал, а только небрежно бросил:

— Плесни-ка ещё!

После второй и третьей пиал Жаманов развил свою мысль:

— Вас надо поднять на новую ступень, а также немного подковать. Если вас не подковать как следует политически, вы начнёте хромать в вопросах производства. Это уж, поверьте мне, как пить дать... Кстати, хозяйка, налей ещё пиалу... Так на чём я остановился?... На плане?... План, друзья, надо выполнять и перевыполнять... А теперь я проведу с вами беседу на текущую тему...

Коневоды приготовились слушать, но гость из долины не торопился. Вслед за четвёртой пиалой последовала пятая, шестая, а за ней рукой было подать и до седьмой.

— М-да, недаром говорят, что кумыс — «напиток батыров с просторов орлиных», — молвил Жаманов, осушая седьмую. — Я думаю, что кумыс и мертвеца из могилы подымет. Так я говорю? Возражений нет? Тогда принято единогласно.

После кумыса настала очередь для бесбармака. Ведь гостя надо хорошо накормить: голодный пуник уносит благополучие стада и табунов. Это давно известно.

Расправившись с бесбармаком, Нурдаулет Жаманов блаженно растягивается на кошме.

Рисунок И. СЫЧЕВА.

— Ну, а как беседа? — спрашивают коневоды.

— Не знаю, что и сказать, — лениво отзывается заведующий очагом культуры. — Много наговоришь — назовут трещоткой, ничего не скажешь — назовут дураком. Я скажу не много и не мало. Вы знаете, в Москве открылась сельскохозяйственная выставка... На выставке, значит, много хороших экспонатов... Есть и кони, между прочим...

— А как работают лучшие коневоды?

— Не знаю, а врать не стану...

По всему видно, что беседа закончена. Наступило неловкое молчание.

— Ну, а что нового в газетах?

— Новостей много, всех не перескажешь!

Коневоды смущены исключительной осведомлённостью гостя. Невозмутим лишь один Жаманов.

— Хорошо бы сейчас перекинуться в картишки... — мечтательно говорит он после паузы.

— Нет у нас карт.

— Как нет? — искренне огорчается гость. — Некультурно живёте, дорогие товарищи, некультурно!

— С культурой плоховато, — подтверждает колхозница Литвинова, — почитать нечего. Вы хоть бы книг нам привезли.

— Чтобы вы порвали их? А я отвечать буду? Э-э, нет! Слава аллаху, я не такой дурень, как некоторые люди думают... Вопрос исчерпан. Теперь я вздремну часок — другой...

Гость поспал. Затем снова выпил кумыса, поужинал и опять лёг спать. А утром он уехал на конеферму другого колхоза. Здесь носитель культуры провёл ещё один курортный день. Мы встретили Жаманова, когда он, отяжелевший от еды и кумыса, держал путь в колхоз имени Ленина.

— Ну, как дела? — спросили мы.

— Несём культуру в самые что ни есть дальние углы, — бойко доложил Жаманов. — Правда, в этом месяце мы немного сдали темпы. Зато в прошлом здорово развернулись. Двадцать четыре концерта дали!

— Да ну!

— Чтоб мне не сойти с этого седла! А какие были концерты! Лучшие силы Москвы и Ленинграда выступали.

— Неужели на отгонное пастбище приезжали артисты?

— Да нет! Приёмник у нас был... А теперь нет. Приходится нажимать на индивидуальные беседы. Ну, я поехал... Загляну на конеферму колхоза имени Ленина. Подниму их там на новую ступень... Ох, и жара! Даже в горле пересохло. Кумыску бы сейчас...

Резвый иноходец унёс своего хозяина.

Спустя некоторое время мы делимся своими впечатлениями о курортной жизни Нурдаулета Жаманова с заведующим Талды-Курганским районным отделом культуры Василием Максимовичем Солодухиным.

— А что я могу поделать? — разводит руками заведующий. — Выехать на джайляу нет времени. А если выедешь, разве угонишься за этим Жамановым? Чёрта с два! Конь у него — огонь!

Последний аргумент потрясает наше слабое воображение. Мы на мгновение представляем себе конную разведку Талды-Курганского отдела культуры. На горячих конях они преследуют мчащегося во весь опор культурника-джигита.

— Эх, не знаете вы местных условий! — продолжает товарищ Солодухин. — Был у нас такой случай. Поехала на отгонные пастбища бригада областного отдела культуры. Хотели члены бригады побеседовать с заведующим красной юртой Талды-Курганского района Дутбаевым. Объехали без малого все джайляу, а Дутбаева так и не нашли. Не могли за ним угнаться. И объявился он лишь в день выдачи заработной платы. Факт! Нет, проверить работу наших джигитов-культурников не так просто. И коней для этого у нас настоящих нет и всадников...

Заведующий умолк. Видимо, он искренне считал, что наладить культурно-просветительную работу на высокогорных пастбищах могут только искусные кавалеристы.

г. Талды-Курган,
Казахской ССР.

А. ОМЕЛИН, А. АБРАМОВА

Сергей ШВЕЦОВ

Ироническая СМЕСЬ

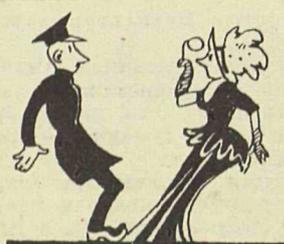
ВАСИЛИЮ АЖАЕВУ,

автору популярного романа «Далеко от Москвы», опубликованному в журнале «Нева» посредственную повесть «Творческая личность».

Мы встретили вас на страницах «Невы»,
Но нам показалось, что это не вы!

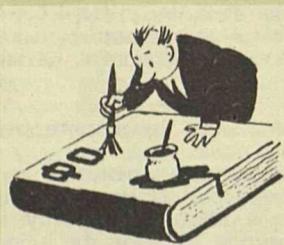
ИЗ ПИСЬМА М. Ю. ЛЕРМОНТОВА И. АННЕНСКОМУ —
СЦЕНАРИСТУ И ПОСТАНОВЩИКУ ФИЛЬМА
«КНЯЖНА МЕРИ»

«Я потрясён, я поражён...
Ужель вам кто-нибудь поверит!
Как не похожа на себя здесь Мери!
А ваш Печорин — форменный пижон!

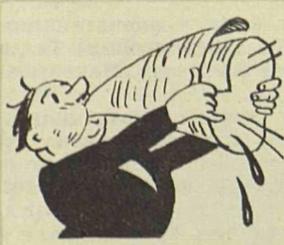
За них и за княгиню Веру
[Ей тоже заодно не повезло!]
Я мог бы вызвать вас к барьеру,
Да нет теперь дуэлей, как на зло!

М. ЛЕРМОНТОВ».

ИЗОБРЕТАТЕЛЬНЫЙ СТИХОТВОРЕЦ

Его стихи не находили сбыта,
Но он имел энергии избыток
И те же вирши с некоторых пор
Печатать стал под рубрикой «Фольклор».

КРИТИК-СИГНАЛИЗАТОР

Он не умел анализировать
Произведений даже малых
И только мог «сигнализировать»
О явных «срывах» и «провалах».

СЕРЫЙ РОМАН

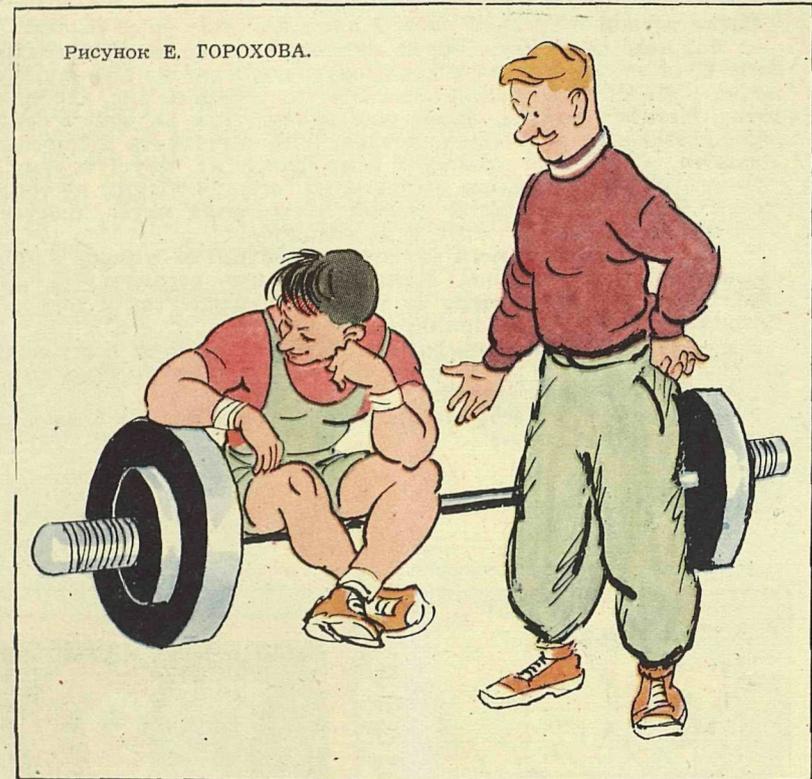
Его пытались
«Освежить»,
«Почистить»,
«Дотянуть»,
«Пересмотреть»,
«Укоротить»,
«Добить»,
«Дожать»,
«Догнуть»...
Но [даже после этих мер!]
Он был всё так же сер.

Рисунок Е. ГУРОВА.

ДЕД МОРОЗ: — Имейте в виду,
я не буду ждать, пока
вы подготовитесь...

Рисунок Е. ГОРОХОВА.

— Пора бы мне заняться с тренером, чтобы
рекорд поставить.
— А ты сначала рекорд поставь, тогда тренер
сам с тобой займётся.

Бор. ЕГОРОВ

„Где ж“

— Вот вам командировка, езжайте в Москву и без наряда на бензин не возвращайтесь.

Так напутствовали руководители «Ставропольстрою» своего представителя Тихона Семёновича Быкодорова.

И вот Быкодоров приехал в Москву. Через три дня в его кармане уже лежала заветная бумажка с автографом ответственного товарища из Министерства сельского хозяйства:

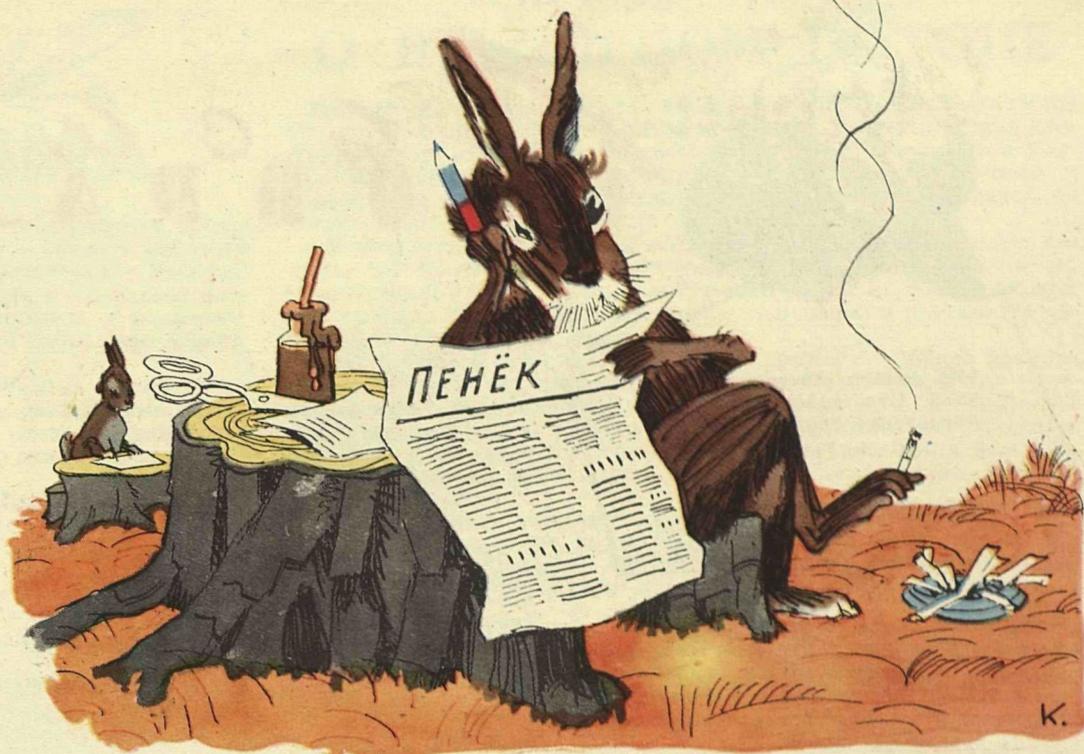
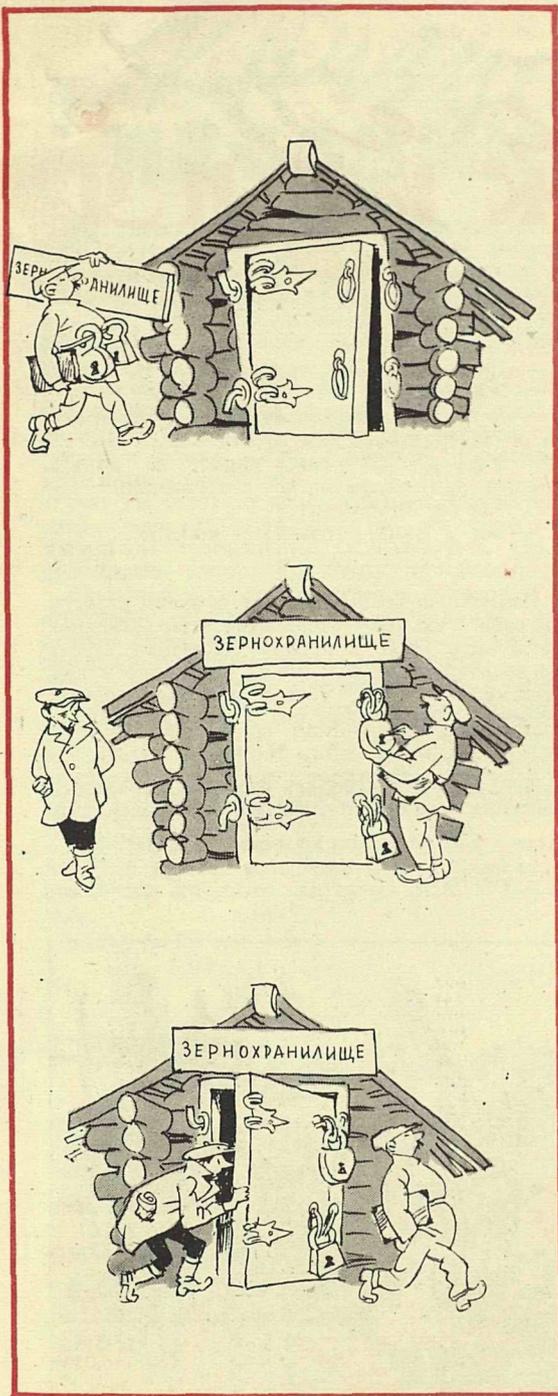
«Нефтебсыту. Выдайте «Ставропольстрою» бензин».

Это телеграфное распоряжение приобретало силу только после второй подписи. Быкодорову оставалось получить ещё один автограф в Министерстве нефтяной промышленности.

...В скверике, недалеко от министерства, Быкодорова немного задержала группа ребятшек, игравших в забавную игру: один мальчик, по видимому, «водила», подходил то к одному, то к другому и спрашивал: «Где ключи?» «Пойди, у Пети постучи». «Где ключи?» «У Маши постучи»...

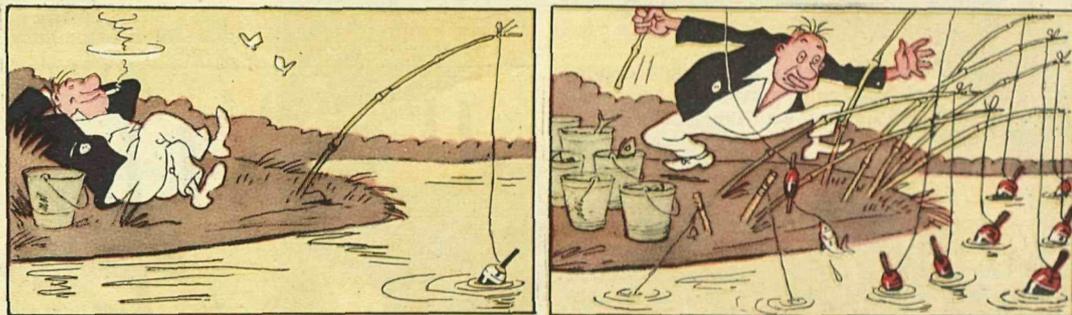
Вспомнив милое детство, Быкодоров задумчиво улыбнулся и пошёл дальше.

Из бюро пропусков Тихон Семёнович позвонил по телефону 86-48, которым его снабдили в Министерстве сельского хозяйства. К аппарату подошла Турчанинова, экономист отдела размещения фондов и распределения планируемой продукции.

— Льва трогать рискованно, медведя тоже... Напишу, что во всех недостатках виноват крот: он всё равно нашей газеты не увидит...

АВРАЛЬЩИК НА ОТДЫХЕ

В начале отпуска...

...и в конце.

«...люди?»

— Я Быкодоров, из «Ставропольстроя». Насчёт бензина...
 Турчанинова прервала его, не дослушав, и предложила звонить по номеру 71-92, Шатиловой, тоже экономисту того же отдела. Шатилова переадресовала просителя к своему начальнику Громовой (86-55), а Громова — к ведающему всем Главнефтебывтом Михайлову (71-08).
 «Вот я и стал «водилой», — подумал Быкодоров, вспомнив детскую игру, которую только что наблюдал в сквере.
 — Где ключи? — тоскливо спросил ставропольский посланец у Михайлова.
 — У Пустовалова постучи, у начальника отдела автотракторного горючего. Телефон 76-75, — бодро ответил тот.
 Вертелся телефонный диск, и в трубке звучали голоса:
 — Пустовалов слушает. А? Что? Постучите Чекрыжеву, 75-03. Кто он? Зам. начальника Главнефтебывта...
 — Чекрыжев слушает. А? Что? Постучите Виноградову, 78-69. Кто он? Зам. начальника Главнефтебывта...
 — Виноградов слушает. А? Что? Постучите Токареву, 72-60. Кто он? Зам. начальника Главнефтебывта...
 — Токарев слушает. А? Что? Постучите Парфёнову, 74-71. Кто он? Зам. начальника Главнефтебывта...
 — Парфёнов слушает...

Четыре зам. начальника главка бойко включились в игру и отсылали просителя поочерёдно друг к другу.

Один из толпившихся у телефона командированных сжался над Быкодоровым и сказал:

— А вы Волобуевой стукните, заместителю начальника отдела размещения фондов, 75-13...

После отказа Волобуевой отчаявшийся гонец «Ставропольстроя» решил «стучать» прямо министру. Но в справочной телефон министра вежливо не дали, а предложили позвонить... зам. министра Михайлову (он же начальник Главнефтебывта — 71-08).

— Кажется, всё пошло по второму кругу! — сжал виски ставропольский гонец.

Разгневанная секретарша Михайлова соединить со своим начальником отказалась и предложила «постучать» по телефону 74-21.

Обессиленный Быкодоров набрал номер и услышал:

— Это Министерство угольной промышленности. Вам что, товарищ, надо?

Неизвестно, сколько бы времени ещё Быкодоров выполнял роль «водилы», если бы он не позвонил инженеру-контролёру при министре Иванову. Контролёров и инспекторов боятся! После короткого внушения, которое сделал Иванов Волобуевой, последней понадобилось ровно три минуты, чтобы обежать вниз, в подъезд, и поставить свою драгоценную подпись на телеграмме.

Зажав злополучный документ в кулаке, Тихон Семёнович отёр пот со лба и пошёл сквериком. Опять играли дети. Им было весело, а Тихону Семёновичу — грустно.

Но это была отнюдь не тихая, лирическая грусть. Хотелось ему собрать некоторых товарищей из нефтяного министерства в кружок и сказать им:

— Дорогие взрослые детки, если мне ещё раз доведётся приезжать сюда, то пусть вместо меня роль «водилы» возьмёт кто-нибудь из вас. Тогда он поймёт, как трудно добиться толку в вашем министерстве.

(Из личного дневника начальника Смоленского областного управления трудовых резервов Г. А. Грушанова)

Восхищение

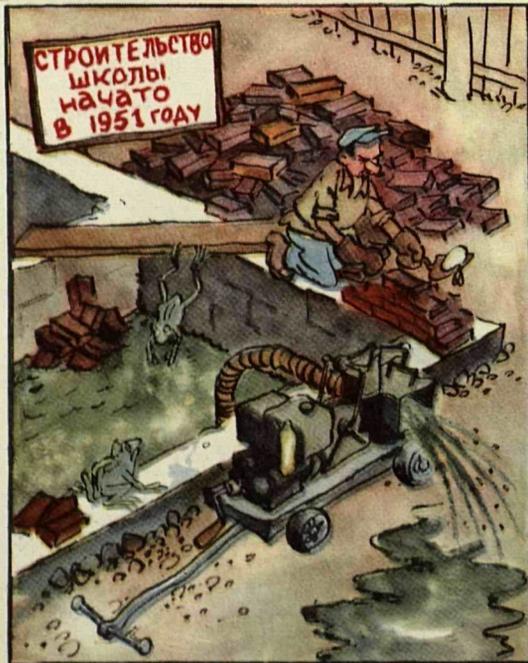
Скоро спартакиада. Я весь в ожидании. Что принесут мне эти дни? Славу, почёт или горечь поражения? Откровенно говоря, люблю, когда наши питомцы волокут в мой кабинет кубки, чаши, вазы, статуэтки и прочие ценные свидетельства спортивных побед.

Чтого я волнуюсь? Физкультурлы меня не подведут. Особенно я надеюсь на ребят из 2-го железнодорожного училища. За ними я, как за каменной стеной!

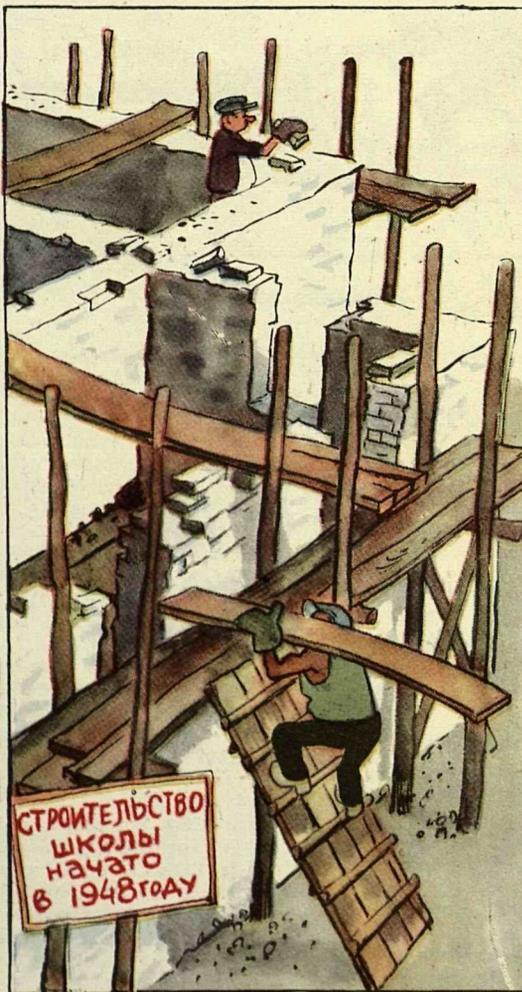
А стены-то, оказывается, и нет. Училище распущено на каникулы. Нашли время, нечего сказать! На носу спартакиада, а у них каникулы! Надо взять за жабры директора училища Старикова и физрука Романова,

Взял за жабры. Стариков и Романов ссылаются на то, что ребята отдыхают и их очень трудно собрать. Отговорочки! Придётся врезать тому и другому по административной линии.

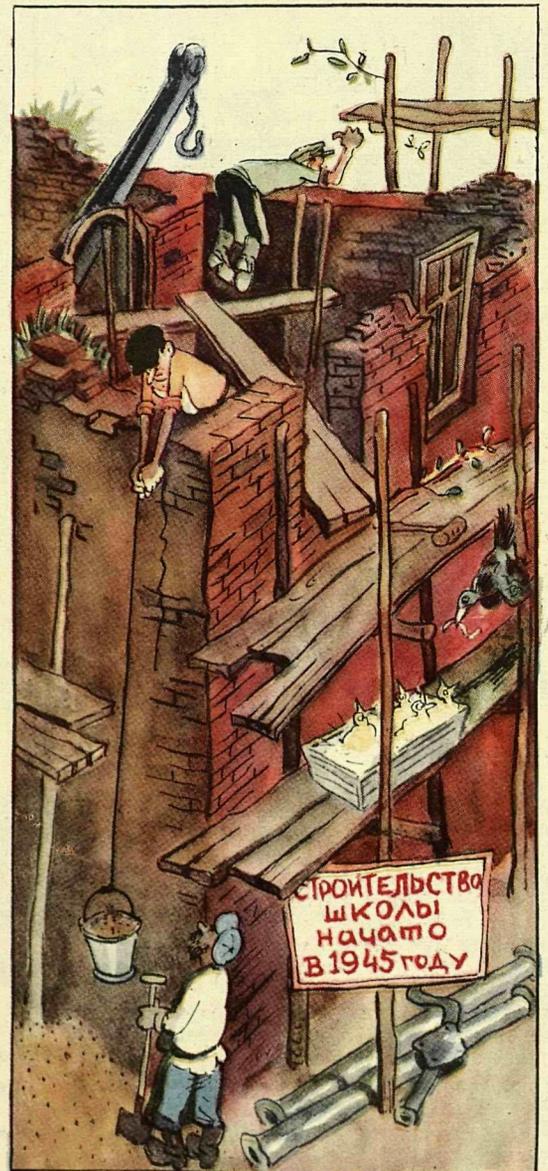
Врезал! Романова снял с работы, а Старикову дал строгача. Ну и забегали мои молодчики! Собирают по городу ребят. Выезжают за ними в окрестные сёла, близлежащие районы. Шум, гам, паника! Землю роют от усердия. Вот что значит сделать своевременное административное вливание!

Начальная школа.

Школа-семилетка.

Школа-десятилетка.

Спартакиада началась. Спортсмены 2-го железнодорожного училища явились на стадион. Ну и слава богу, теперь я за ними, как за каменной стеной.

Ай да ребята, ай да физкультмолодцы! Получили ценный приз и восемь грамот. Это что-нибудь да значит! У всех на устах наше училище.

Сегодня явился ко мне один чудак, и у нас произошёл такой разговор.

— Как это совместить? — спрашивает он. — С одной стороны, вы за спартакиаду дали Старикову строгача, уволили Романова, с другой — за эту же спартакиаду получили грамоты и ценный приз?

— Начальство не обязано совмещать, — отвечаю.

— Но где же тут логика? — А я за логикой не гонюсь. Проживу и без неё. И вообще не мешайте мне руководить!

Ещё один ходатай. Пришёл помощник директора училища по культурно-воспитательной работе Гончаров и говорит:

— Прошу отменить приказ.
— Это почему?
— А потому, что нельзя наказывать людей за не совершенные ими проступки.
— Э-э,— говорю,— вам, видно, не понять высших административных соображений.
— Так вы не измените?
— Бог с вами,— отвечаю,— изменю!

Изменил приказ. Романову объявил строгий выговор взамен увольнения. Но главное не в этом. Внёс в приказ Гончарова. Пусть не ходатайствует. Влепил за компанию и ему строгий выговор. Теперь ломает голову, подумает, бедняга, за что я его наказал...

Продолжаю руководить и руководствоваться высшими административными соображениями.

Дневник доставил И. ШИШОВ.

г. Смоленск.

Рис. Е. Ведерникова.

Кризис ПЕССИМИЗМА

Лондонский корреспондент американского телеграфного агентства Ассошиэйтед Пресс г. Сеймур Топпинг — человек наблюдательный и впечатлительный. Он открыл замечательное явление: «В эти дни в Лондоне не принято упоминать о «холодной войне» или говорить дурно о русских. В разговорах, в политических речах и газетах редко слышишь такие слова, как «советская угроза»...

Отсутствие тревоги в английских политических настроениях встревожило американского наблюдателя. Он почувствовал себя пессимистом среди множества оптимистов. Свою тоску он выразил в крике: «Дух Женевы», повидимому, завоевал прочное положение в стране»...

Это уж само по себе лишает Сеймура Топпинга душевного равновесия. Но ещё хуже то, что беде нельзя помочь срочным импортом пессимизма. Оказывается, что и в США Женевское совещание «породило волну оптимизма».

Вследствие этого, жалуется мрачный американец, в стране англичан «распространено убеждение, что международный горизонт безоблачен», и от этого — всеобщее сочувствие идее ограничения и сокращения вооружений.

Сеймур Топпинг преувеличивает, Международный горизонт никому не кажется безоблачным. Но погода явно улучшилась. Народы вышли на улицу и мирно беседуют. Они ходят в гости друг к другу. И когда среди них появляются хмурые, озлобленные, обиженные пессимисты с огромными зонтиками, в дождевых плащах и в глубоких калошах, над этими фабрикантами дурной погоды смеются.

«Дух Женевы» это не эфемерный ветерок, который случайно подул и так же случайно может замереть. За «духом Женевы» — реальные, кровные, материальные и моральные интересы народов.

Д. ЗАСЛАВСКИЙ

Напрасная ПАНИКА

— Зависит ли безопасность государства от пробивной силы кожного мяча? Возможно ли свести на нет оборону целой страны при помощи обыкновенной волейбольной сетки?

— Да, зависит. Да, возможно. И вообще всё возможно, если мяч и сетка принадлежат русским, — отвечает голландский еженедельник «Фрей Недерланд».

Эти странные вопросы и совсем уж нелепые ответы — не досужая игра фантазии. Их породила другая игра — игра в волейбол между командами посольств СССР и США в Гааге. Да, случилось так, что сотрудники советского посольства предложили своим американским коллегам сыграть в волейбол. Американцы с радостью приняли это предложение, и игра состоялась. Право же, в этом нет ничего особенного. Разве дипломаты не могут играть в волейбол?

В назначенный день и час многие жители голландской столицы плотным кольцом окружили площадку, где происходила дружеская встреча. Как всегда в таких случаях, публика живо реагировала, сопровождая возгласами одобрения наиболее ловкие удары игроков. Когда же встреча окончилась, зрители аплодисментами приветствовали советскую команду, победившую в игре, а затем не спеша разошлись по домам.

Впрочем, домой пошли не все. Корреспондент «Фрей Недерланд» пулей полетел в редакцию и сочинил статью о тайных свойствах кожного мяча и волейбольной сетки. А через несколько дней со страниц этого журнала прозвучал его взволнованный голос: «Если Советскому Союзу при помощи таких демонстраций, как эта игра в волейбол, удастся вызвать в Голландии необоснованные иллюзии, будто напряжённость ослабла, то для нынешнего и будущего военных министров совершенно невозможно будет возвратиться к уровню расходов, соответствующему нынешним усилиям Голландии в области обороны».

Вот, оказывается, до чего коварны эти русские! Делают вид, что верят в ослабление международной напряжённости и будто играют в волейбол, а на самом деле срывают программу военного министерства!

Почему они не играют в волейбол, например, в Париже, Джакарте или Стамбуле, вопрошает автор. Почему они выбрали местом для волейбольной встречи именно Гаагу?

А потому, отвечает он сам себе, что «уменьшение голландского вклада в оборону теперь является коммунистической целью номер один».

Полноте, господа из «Фрей Недерланд»! Не такое уж грозное оружие — волейбольный мяч!

В. БОЕВ

ДОКТОР ЛЕВИН О ВСЕМИРНОМ ПОТОПЕ

Недавно мы наткнулись на любопытное сообщенище агентства Рейтер. В те дни, когда в Женеве проходила Международная конференция по мирному использованию атомной энергии, а в Японии Международная конференция за запрещение атомного и водородного оружия, корреспондент этого агентства передал из Омахи (штат Небраска, США):

«Доктор Виктор Левин, член Нью-Йоркской академии наук, заявил, что простым способом уничтожить значительную часть человечества было бы сбросить атомные бомбы на полярный лёд. Это привело бы к затоплению миллионов людей в результате повышения уровня воды в океанах».

Доктор Левин подкрепил этот свой прожект о новом всемирном потопе соответствующими доводами. Он пояснил, что «бомбы создадут чрезвычайно высокие температуры и выделяют огромное количество тепла». Он высказал также предположение, что «в результате повышения уровня воды в океанах были бы затоплены такие города, как Нью-Йорк, Лос-Анжелос, Лондон, Париж и Токио».

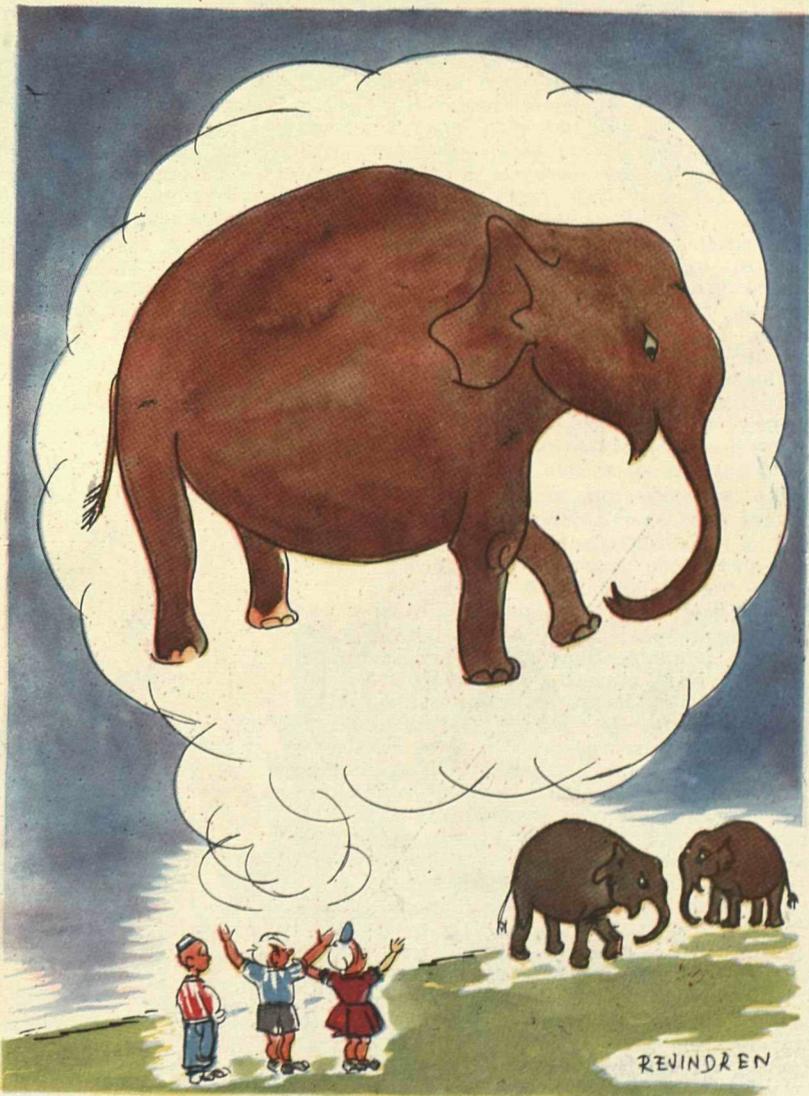
За исключением умахённых, никто на земле, насколько нам это известно, не хочет, чтобы «были затоплены такие города, как Нью-Йорк, Лос-Анжелос, Лондон, Париж или Токио». Кажется невероятным, чтобы об этом всерьёз говорил член Нью-Йоркской академии наук.

Остаётся предположить, что либо атмосфера «холодной войны» ещё не до конца выветрилась из кабинета доктора Левина, либо просто в тот день у господина доктора была явно повышена температура...

В. АЛЕКСАНДРОВ

Рисунок для Крокодила индийского художника РЕВИНДРЕНА.

ПОСЛАНЦЫ ДРУЖБЫ

Растите большие!

РАСКАЛЕННОЕ ЖЕЛЕЗО САМОКРИТИКИ

Памятным останется тот час, когда Левтер Тевтеров сгорел у меня на глазах в огне самокритики. Зрелище это было столь величественно, что перед ним бледнеет даже сожжение Рима. Не забыть мне того мгновения, когда Левтер после критики в его адрес с горящим взглядом, всклокоченный и возбужденный вырос на трибуне.

— Братья и товарищи! — загрохотал он, изрыгая огонь. — Что правда, то правда! Факт! У меня много недостатков. Самокритика — это раскаленное железо, которым каждый из нас должен испепелить все свои пороки, слабости и ошибки. С такой постановкой вопроса я согласен. Готов под ней расписаться обеими руками. И в доказательство я немедленно возьму это раскаленное железо и без колебаний прыгну им всё, что мешает моему развитию в историческом ходе проблематики.

Итак, по порядку. Я смело прикасаюсь железом к упомянутой вами непростительной безответственности, по причине которой за отчетный период я присутствовал всего на двух заседаниях правления из двенадцати. Это, по вашему меткому выражению, не делает мне чести и роняет мой авторитет как заместителя председателя правления кооператива.

Но позвольте мне, товарищи и братья, зачитать вам календарный план, дату за датой, и вы убедитесь, что мое отсутствие каждый раз имело свою глубокую причину и своё, мягко говоря, оправдание.

Например, пятого января этого года, в семь часов ноль три минуты, я был обязан лично явиться на станцию для встречи прибывающего ко мне в гости старого и боевого родителя, который имеет ту заслугу перед отечеством, что в империалистической войне потерял шестнадцать процентов трудоспособности. Этот старец, товарищи, независимо от его отцовского ранга, является вместе с тем заслуженным деятелем кооперативного дела Болгарии. В 1922 году он основал первый в стране кооперативный пчельник и в течение одиннадцати лет... (Голоса в зале: «Дальше, читай дальше!»)

И буду читать! Согласно плану, семнадцатого января я был вынужден пойти на спевку вновь сформированного хора, возглавляемого присутствующим здесь многоуважаемым нашим дирижёром товарищем Сольфеджиевым, который может лично засвидетельствовать правильность моего утверждения.

Выйдите вперед, товарищ Сольфеджиев, и скажите, припоминаете ли вы этот факт? (Неуверенный голос: «Что-то не припомню.») Прошу вас, товарищ Сольфеджиев, напрягите память. Вспомните, как вы, стукнув меня дири-

жёрской палочкой по носу, сказали дословно следующее: «Фальшивишь, осёл этакий!» (Юношеский голос из зала: «Верно! Фальшивит!»)

Правильно! Наш юный товарищ прав. Пою я фальшиво! Признаюсь! Я готов раскаленным железом выжечь и этот недостаток. Но не будем отклоняться от главного вопроса. Двадцать восьмого того же месяца, точно в шесть тридцать вечера, отелилась моя корова Милка. Вследствие огромной радости и суматохи, вызванной этим событием, вы понимаете, товарищи, я был вынужден пропустить заседание.

Одиннадцатого февраля мне пришлось целые сутки работать над составлением доклада о Международном женском дне. (Голос: «Да ведь он восьмого марта!») (Вы совершенно правы! Он восьмого марта. Но, согласно армяно-григорианскому календарю... (Тот же голос: «При чём тут армянский календарь?») Прошу не прерывать. Десятого марта я отсутствовал

Рисунки Г. ВАЛЬКА.

по причине второй спевки хора. Двадцать второго марта у меня обнаружился зубной абсцесс и опухоль лимфатической железы. Присутствующий здесь зубной врач... (Голос: «Ничего подобного не знаю!»)

Вот именно, ничего не знает! Незнание, товарищ Харитонов, — существенный недостаток, который необходимо своевременно, так же, как это делаю сейчас я, выжечь с помощью... (Голоса: «Довольно! Какая это самокритика? Ты лучше о родственниках скажи!») Скажу, скажу!

Итак, перейдём ко второму пункту предъявленных мне обвинений. Здесь указывали, будто я создал две лишние должности в кооперативном магазине, чем обременил его бюджет. Верно! Признаю! Готов приложить раскаленное железо к этой своей ошибке, которая, собственно, не может быть полностью сочтена ошибкой по нескольким причинам. Во-первых, введя должность помощника продавца, я осуществил принцип самоконтроля. Помощник продавца имел задачей зорко следить за деятельностью основного продавца и таким образом предотвращать возможные ошибки и промахи. Помощник помощника продавца, которого я назначил согласно тому же принципу, имел своим священным долгом следить за действиями первого помощника и не допускать никаких нарушений и упущений. (Голос: «Но почему же и тот и другой — твои родственники?»)

Правильно! Признаю! И тот и другой — мои родственники! Но что это за родственники, товарищи, если первый из них — двоюродный брат моей двоюродной свояченицы, а второй приходится мне племянником жены шурина по дядиной линии? Присутствующий здесь приходский священник отец Павел может подтвердить, что это, в сущности, никакое не родство. Не так ли, отче? (Бас: «Точно так.»)

Вы слышали? Товарищ отец Павел сказал: «Точно так». А против фактов не попрешь! (Возмущенный тенорок с галёрки: «А ну, расскажи о двух жестянках сала, которые эти херувимы стащили в магазине и ночью приволокли в твой погреб!»)

Две жестянки сала? Товарищи и братья! Я уже слышал это обвинение, и оно справедливо. Вот глядите: я кладу руку на сердце и заявляю: это правда! Признаю! Здесь, в присутствии всех, я подвергну сожжению эту свою ошибку. Но позвольте сделать два существенных замечания. Во-первых, всё произошло без моего ведома. Во-вторых, это случилось не ночью, а под вечер. А в-третьих, упомянутое деяние было совершенно с чисто гуманными целями, что могут подтвердить сами помощники продавца. Поскольку правление выделило совершенно недостаточную сумму для годовых подарков нашим детям, я решил передать это сало от имени правления кооператива в подарочный фонд. Возвышенная цель оказания помощи подрастающему поколению — это великий долг, который ещё не каждый из нас достойно исполнил. Вот что, по моему, должно стать предметом самой острой критики и самокритики! (Голос: «А почему же ты передал это сало комиссии через два месяца после Нового года?»)

Почему? В этом истинный вопрос, братья и товарищи! Здесь мы опять возвращаемся к первопричине всех моих слабостей, которую я подверг жестокому сожжению. Безответственность! Халатность! (Свист в зале, голоса: «А есть у тебя сведения, с какого по какое число длилась эта халатность?»)

Есть, товарищи, есть. Сейчас вы убедитесь, что моя халатность объясняется серьёзными обстоятельствами, помешавшими своевременно передать вышеназванные жестянки сала. (Свист. Голоса: «Прицепить ему эти жестянки к языку! Довольно! Долой!»)

Господа, братья, товарищи! Я готов раскаленным железом самокритики... (Крики: «Довольно! Отберите у него железо! Дайте ему этим железом по шее! Долой!»)

Среди всеобщего улюлюканья Левтер Тевтеров выронил из рук раскаленное железо самокритики и сошёл с трибуны, покрытый глубокими, тяжёлыми ожогами. Это был поистине доблестный муж.

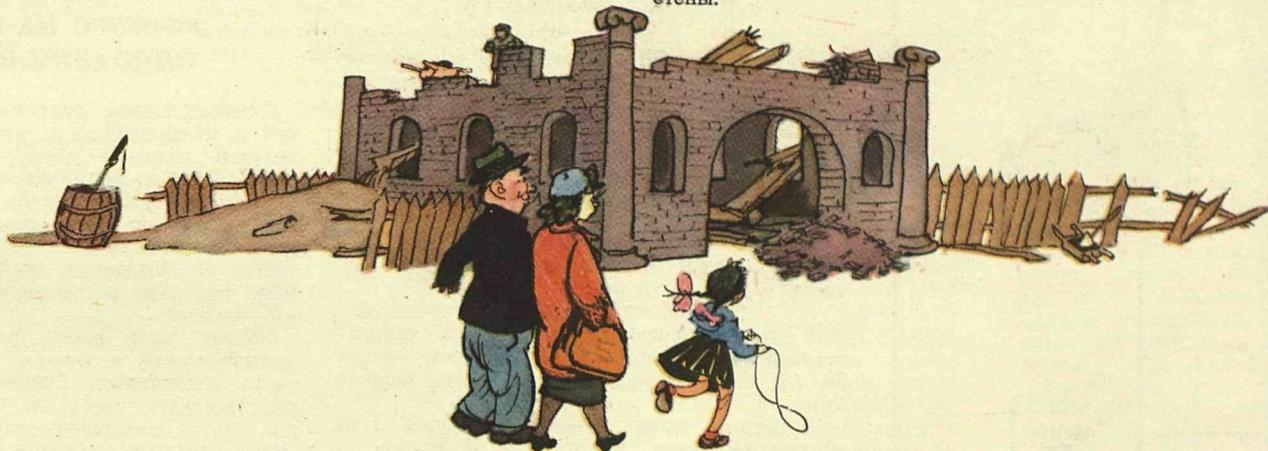
Перевели с болгарского
К. и Ч. Найдовы-Железовы.
(Из сборника «Криви пътеки»)

КРОКОДИЛ

в Калуге

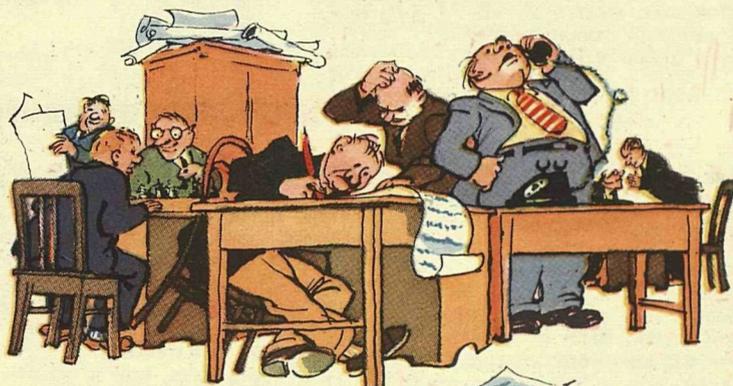
Рисунки Е. ГОРОХОВА (по темам В. Кулагина).

В г. Калуге третий год строится киотеатр «Спартак». Израсходовано много средств, но пока возведены только стены.

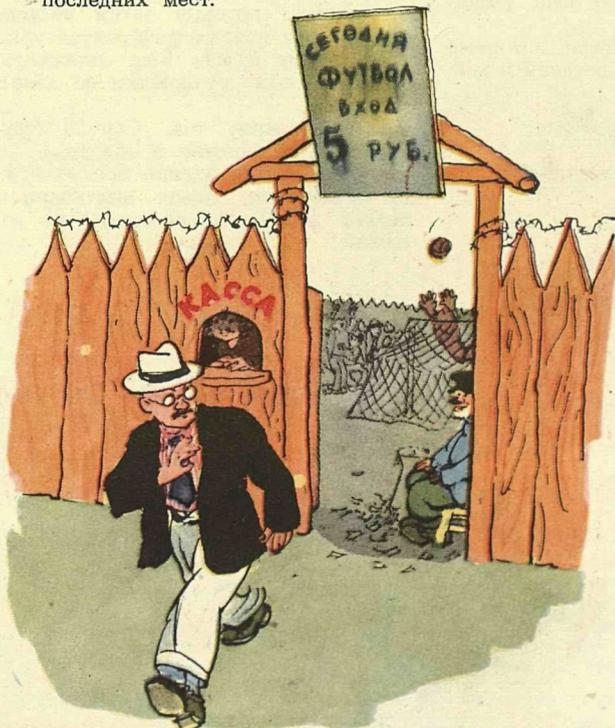
— Который год одна и та же картина!

На машиностроительном заводе МПС из 30 инженеров в цехах работают только трое, остальные — в отделах заводоуправления.

— Алло, пришлите проводника, мне нужно пройти в ваш цех.

Калужская футбольная команда «Локомотив» на розыгрыше первенства республики занимает одно из последних мест.

— Берут пятёрки, а играют на двойки.

На швейной фабрике № 1 самодеятельность в загоне.

Работа завкома швейной фабрики № 1.

— До чего же скучно в парке — даже хулиганы ходить перестали!

Дорогой Крокодил!

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

УВАЖАЕМЫЙ КРОКОДИЛ!

Хотим рассказать тебе об одном эпизоде. Перед нами на скамейке села пара. Он нежно взял её за руку. Нетрудно было догадаться, что сейчас последует объяснение в любви.

Он, действительно, заговорил, но вместо трепетных слов признания раздалось:

— Бррр... Чххус... Фрзяу... Турх...
Всякая уважающая себя девушка в ответ на подобные междометия тут же оставила бы озорника в одиночестве. Но эта девушка начала в ответ шипеть, фыркать, визжать, свистеть, свиристеть, чихать... Мы заткнули уши.

Сквозь шум иногда доносятся звуки музыки. Народ всё прибывает. Новые посетители, боком прогиснувшись внутрь, некоторое время осваиваются с обстановкой и исчезают в толпе.

Интересно, как бы ты назвал такую картину?

В Мурманске она имеет точное определение: танцы в Доме культуры имени С. М. Кирова.

Мы, мурманцы, привыкли ко многому. И северное сияние нам не в диковинку, и полярный день в несколько месяцев нас не удивляет, и с мурманской зимой мы, в общем, освоились. Но к организации досуга молодёжи в нашем городе никак привыкнуть не можем.

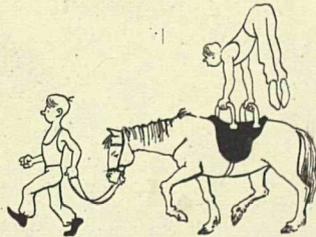
А вот дирекция Дома культуры привыкла и к томее и к давке на танцах. Привычка, говорят,— вторая натура. Но эта вторая натура упомянутых руководителей никак не устраивает мурманскую молодёжь.

И. ЗАЙЦЕВ

г. Мурманск.

ТОВАРИЩ КРОКОДИЛ!

Передай, пожалуйста, наш физкультпривет председателю исполкома Боготольского горсовета тов. Кушнарёву. Это благодаря его стараниям спортсмены нашего города получили необычный, кочующий стадион.

Дело в том, что горсовет за последние годы переводит наш стадион с места на место уже третий раз. Наконец для стадиона выбрали отличную площадку и приступили к стройке. Но не тут-то было: эту площадку облюбовало для себя управление железной дороги, и для стадиона пришлось искать новое место.
Строительство стадиона горсовет

теперь поручил Боготольскому стройучастку Красноярского дорстройтреста. Начальнику участка дали руководящие указания вести дело «...с таким расчётом, чтобы работы, связанные с открытием стадиона, были закончены к 1/VII — 1955 г.»

Но конца работам не видно и по сей день. А нашим физкультурникам, готовящимся к республиканской спартакиаде, негде тренироваться. Им негде бегать, прыгать, преодолевать полосу препятствий...

Впрочем, препятствий для спортсменов здесь больше чем достаточно!

Ю. ВОДОГРЕЕВ,
председатель горкома физкультуры,
А. МАЙОРОВ,
председатель райкома физкультуры.

г. Боготол,
Красноярского края.

ТОВАРИЩ КРОКОДИЛ!

Если ты любитель трюков, ходи почаще в Кировабдский детский кинотеатр. Впрочем, не думай, что его репертуар насыщен приключенческими фильмами. Трюки ты увидишь не на экране, а в зале, где зрители в течение всего сеанса с подлинным мастерством балансируют на узеньких дощечках без спинок, заменяющих сиденья.

Не менее оригинальный трюк выполняет и администрация. Заключается он в том, что с одного места получают двойной доход. Способ до гениальности прост: на скамье, вмещающей, скажем, десять человек, размещают вдвое больше. Зрителям тесно, зато администрации доходно.

Не многовато ли трюков для одного кинотеатра, как, по-твоему?

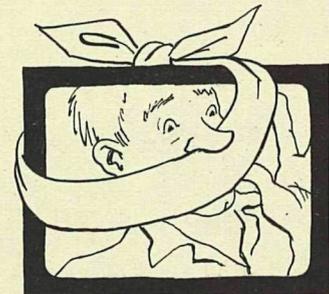
Р. АЛЕКСЕЕНКО

Кировабд.

Рисунок Л. ГЕНЧА.

— Мама! Меня лишили стипендии, придётся тебе увеличить дотацию на мои расходы в ресторанах.

Всё это происходило на экране в Агафоновском сельском клубе во время киносеанса. Уже три года мы не имеем возможности нормально посмотреть хотя бы один фильм. Часто звуковые фильмы вообще превращаются в немые, как это было недавно с картиной «Испытание верности».

Теперь, дорогой Крокодил, сидим и раздумываем: долго ли ещё Любытинская районная контора кинофикации собирается испытывать наше терпение?

И. ИЛЬИН,

председатель колхоза «Свобода»,
А. АЛЕКСАНДРОВ,
счетовод,
Ф. ИВАНОВ,
учитель,
и другие.

Село Агафоново,
Любытинского района,
Новгородской области.

ДОРОГОЙ КРОКОДИЛ!

Представь на минуту такую картину: духота, множество людей находится в непрерывном и непрерывном движении. Крепкие словечки порхают в атмосфере, насыщенной табачным дымом. Весёлые молодые люди, распространяя вокруг винные ароматы, с невинным видом работают локтями, пробивая себе путь в густой толпе.

Главный редактор — С. А. ШВЕЦОВ.

Редакционная коллегия: А. Н. ВАСИЛЬЕВ, В. Н. ГОРЯЕВ, Д. И. ЗАСЛАВСКИЙ, И. В. КОСТЮКОВ (зам. главного редактора), КУКРЫНИКСЫ (М. В. КУПРИЯНОВ, П. Н. КРЫЛОВ, Н. А. СОКОЛОВ), С. Д. НАРИНЬЯНИ, И. А. РЯБОВ, Л. С. СОБОЛЕВ.

Изд-во «Правда». Адрес ред.: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-31-37, Д 3-34-37. Приём ежедневно (кроме воскресных дней) с 13 до 17 часов.

А 04669. Изд. № 768. Подписано к печати 10/IX 1955 г. Формат бум. 70 × 108³/₄. Заказ № 2439. Тираж 600 000 экз. 1 бум. л. — 2,74 печ. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

40 20 АПР 1955

МИР

12263 ж

Рисунок Бор. ЕФИМОВА.

МИРНОЕ СОСУЩЕСТВОВАНИЕ

Всесоюзная
Книжная палата
Обязат. экзempl.
1955 г.

СОТРУДНИЧЕСТВО

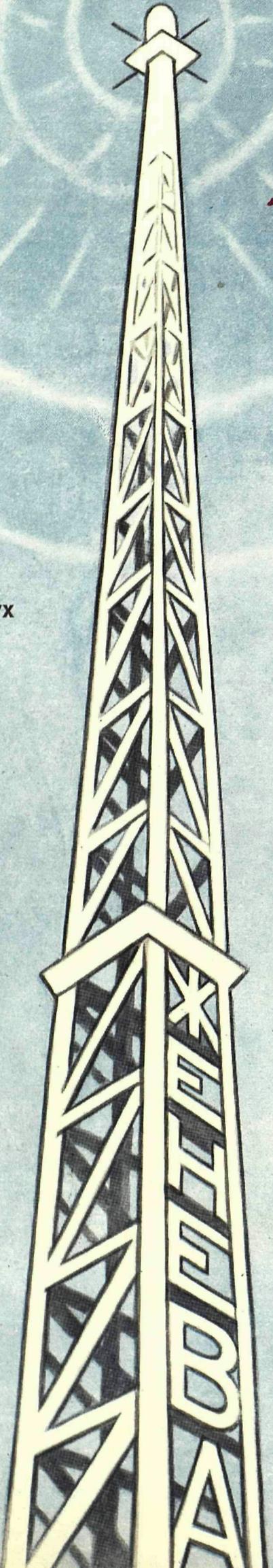
ДОВЕРИЕ

ДРУЖБА
ПЕРЕГОВОРЫ

НОВЫЙ ДУХ

СТАРЫЙ ДУШОК

Бор. Ефимов - 55.